

М.Г. Семенова

ОЧЕРКИ В.Я. ИРЕЦКОГО В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЦИСТИКИ 1917–1918 гг.

Рассмотрена специфика публицистических произведений известного журналиста и писателя Петрограда начала XX в., а ныне полузабытого литератора Виктора Яковлевича Ирецкого. Значимость проведенного анализа определяется недостаточной изученностью очеркового материала, опубликованного в газете «Речь». Публицистика Ирецкого рассматривается в контексте идейных исканий известных современников, отечественной публицистики революционного периода (М. Горький, В.Г. Короленко, Л.Н. Андреев и др.).

Ключевые слова: Л.Н. Андреев; А.А. Блок; И.А. Бунин; газета «Речь»; М. Горький; дневники; В.Я. Ирецкий; В.Г. Короленко; очерк; публицистика послереволюционного периода.

Исследования публицистики 1917–1918 гг. особенно актуальны сегодня: к столетию разрушения монархии в России этой теме были посвящены десятки научных трудов. Их авторы описали и проанализировали значение статей А.Т. Аверченко, Л.Н. Андреева, А.А. Блока, М.А. Волошина, Е.И. Замятина, Д.С. Мережковского, А.Н. Толстого, Д.В. Filosofova и других в прессе 1917–1918 гг. Однако до сих пор подобному осмыслению не подвергались тексты В.Я. Ирецкого (Гликмана), хотя в начале XX в. они притягивали читательскую аудиторию одной из крупнейших газет Петрограда и внимание публицистов, о чем свидетельствует полемика между В. Ирецким и М. Горьким. Рецензии и брошюры Ирецкого о революции и сегодня регулярно привлекаются современными исследователями истории первой трети XX в. как источник представлений об исторических фигурах, деятелях культуры, особенностях литературной критики 1910–1930-х гг.¹

Являясь одним из известных журналистов столицы 1910-х гг., участником профессиональных объединений писателей и журналистов Петрограда и Берлина, автором множества портретных очерков и фельетонов в русскоязычной прессе Европы, Америки и Китая², нескольких десятков рецензий на творчество современников, Ирецкий создавал публицистические статьи актуальной тематики. Круг его личных и рабочих контактов примечателен: адресатами писателя и публициста были И.В. Гессен, В.А. Каверин, В.Ф. Ходасевич и др., соседями по газетным страницам и сборникам художественных произведений становились А.А. Ахматова, А.Н. Бенуа, Д.С. Мережковский, А.А. Шахматов и мн. др. Все сказанное свидетельствует о широте литературных интересов и профессионализме Ирецкого. Однако в истории литературы и журналистики до сих пор не проводилось основательное изучение наследия этого самобытного, яркого и проницательного публициста. Частично восполнить этот пробел и призвана данная публикация, созданная на основе газетных, журнальных и книжных собраний РНБ, БАН, Дома русского зарубежья.

Газетные материалы Ирецкого ранее лишь косвенно становились объектом научного внимания, описывались кратко. Так, В.В. Попов указывает на то, что писатель сотрудничал с газетой «Речь», где «вел разговор главным образом о выходящих на русском языке произведениях западноевропейской литерату-

ры» [2. С. 105]; сборники «Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов» (Стэнфорд, 1997) содержат переписку Ирецкого с редакторами издания и комментарии к ней³. Исследователи Д.Я. Северюхин, И.А. Жданова, С.Г. Коростелев тоже лишь вскользь касались деятельности Ирецкого-публициста, писавшего о революции.

Петербургский период жизни и творчества⁴, тесно связанный с газетой «Речь», у В.Я. Ирецкого начался в 1906 г. после нескольких курсов в Киевском политехническом институте, первых публикаций в «Киевской газете» [1. С. 423]. По собственному свидетельству писателя, он становится студентом Санкт-Петербургского университета, учится в археологическом институте, печатает малую прозу в журналах «Современный мир», «Вестник Европы», «Солнце России» и др. [8. С. 105]. На протяжении 13 лет прозаик писал для «Речи», о чем позднее, в эмиграции, рассказывал в «Калифорнийском альманахе»: «работал в газете «Речь», где помещал рассказы, театральные рецензии и критические статьи, главным образом по иностранной литературе» [8. С. 105]. Однако большая часть материалов 1917–1918 гг., подписанных двумя из известных нам псевдонимов «В. Ирецкий» и «В. Ир.»⁵, посвящена не столько культурной проблематике в широком смысле слова, сколько всестороннему осмыслению русской революции.

Серия публикаций В.Я. Ирецкого 1917–1918 гг. свидетельствует о созвучии восприятия революционных событий автором и либеральной прессы в целом. Отрицание насильственного свержения монархии сменилось оценкой революции как «демократической» и «общенародной» [9. С. 34], а затем верой в самоорганизацию общества, освобожденного «от пут полицейского контроля» [9. С. 35]. На смену пришло понимание губительного характера революции. Так, предметом описания прессы 1917 г. стало обращение власти к «низменным инстинктам толпы», которая «выхватывала» лозунги, подразумевавшие тотальное перераспределение, а следовательно, разрушение всякого правопорядка в стране [9. С. 37]. Потому с июля на страницах печати появляется сравнение революции с разгулом стихии. Данная метаморфоза была типичной для целого ряда публицистов того времени. Так, Леонид Андреев в номере газеты «Русская воля» от 5 марта 1917 г. писал о «воскресении России из лика мертвых народов», которое подготовили «чьи-то

скромные «нелегальные» руки», «трудолюбиво и неумело» набравшие «прокламацию» и тем самым точившие «трон Романовых» [10]. Ирецкий изначально – с марта по апрель 1917 г. – тоже принимал революцию и с радостью пользовался журналистским доступом к ранее засекреченным документам, чтобы заявить о порочности правления Романовых. В первых очерках, посвященных революции 1917 г., – «Последние попытки» («Речь». № 56 от 7 (20) марта), «Письмо царю» («Речь». № 58 от 9 (22) марта) и «Охранка. Страница русской истории» («Речь». № 82 от 9 апреля и № 85 от 13 апреля) – Ирецкий критикует самодержцев России и деятельность Охранного отделения, подчеркивая заслугу революции в том, что страна лишилась подобного наследства, «охранявшегося стоголавым чудовищем» [11. С. 3]. Прямая отсылка к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву» – эпиграфу «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя» [12. С. 35] – выражает сочувственное отношение Ирецкого к революционным идеям: известно, что он участвовал в киевских студенческих волнениях 1902 г., был отчислен за это из института и арестован на два месяца [2. С. 423]. Он видит в русском бунте возможность перерождения «дьявольской сети, которая опутала всю русскую жизнь» [11. С. 3] посредством «цепких щупальцев спрута, именованных департаментом полиции» [11. С. 3]. Описывая вездесущее око Охранки, автор опирается на документы («я не встретил «осведомительного материала» только о Воспитательном доме» [11. С. 3]) и обращается к эмоциям читателя, сопоставляя факт с хрестоматийными примерами из живописи, развенчивающей пороки общества: «Какое счастье, что знакомясь с этим ужасом, который подстать кисти кошмарного Иеронимуса Босха или автора “Каприччио”, Гойи, теперь, после того как опустился железный занавес истории петербургского периода» [11. С. 3].

Чуть позже восприятие результатов революции вновь сблизит двух писателей. Андреев, создавший в Финляндии в феврале 1919 г. знаменитое обращение к государствам Антанты («S. O. S.»), именуя большевиков не иначе, как «дикари Европы, восставшие против ее культуры, законов и морали» [13. С. 627]. Россия же предстает перед автором «растерзанной» «руками» большевиков и «окровавленной, умирающей» [8. С. 626], «сплошь превращенной в пепел, огонь, убийство, разрушение, кладбище, темницы и сумасшедшие дома» [13. С. 627]. Первоначальная оценка революции как спасительного воскресения сменяется апокалипсическими образами разрушения, осуществляемого большевиками. И очевидно, что осознание катастрофы пришло к автору задолго до 1919 г.: неслучайно дневниковые записи из Русского архива в Лидсе, датированные приблизительно мартом или апрелем 1917 г., под названием «Революция (О насилии)» сопровождаются рукописными примечаниями автора 9 марта 1918 г.: «Очень жаль, что усомнился и не стал печатать. Как же: все вопиют о “свободах”, а я о насилии!» [14. С. 69]. Ирецкий разочаровывается в революционной судьбе России и высказывается об этом открыто со страниц «Речи». В 1918 г. он изображает хаос бунта метафорой конца света: «Четыре апо-

калипсических всадника уже приближаются. Мы же стоим на месте и спокойно дожидаемся их» [15. С. 1]. Это восприятие происходящего в 1918 г., общее для Ирецкого и Андреева, безусловно, является типичным для русской интеллигенции того времени.

Ожидавший, что революция даст импульс для труда на благо страны сразу, после Февраля, Ирецкий уже в конце апреля 1917 г. делает основным объектом критики общественный порядок бунтующей России. Посвящая очерк «Не то» [16. С. 3] несоответствию идеи революции ее воплощению, писатель создает противоречивый образ страны. Автор выражает разочарование в сущности российской революции, организаторы которой подменяют высокие лозунги желанием самообогащения: «Прочтите их резолюции, и вы найдете пафос только в той части их, где речь идет о выгоде» [16. С. 3]. К осмыслению революции писатель пытается подойти взвешенно. Во-первых, он анализирует ее предпосылки: «Царизм оставил нам грустное наследие: за два с половиной года войны он окончательно развратил умы. С 19 июля 1914 г. дух алчной наживы воцарился на Руси. Если верить в Антихриста, то вот он уже явился, принес с собой материалистическую религию...» [16. С. 3]. Во-вторых, автор включает русскую революцию в список европейских, подчеркивая ее особый – материалистический – характер, и приводит аргументы в пользу нелестного сопоставления: «Люди французской революции искали образцов у античных героев <...>. Нет (в России. – М.С.) добровольной жертвы, нет бескорыстия, нет прекрасной самоотверженности – этих необходимых атрибутов и спутников истинной революции, возвышающей всякий ничтожный эпизод в поэтическую легенду. Если бы они были, не пришлось бы спорить о необходимости воевать с грозным врагом, угрожающим столице, о необходимости не удирать с поля сражения и об обязательстве исполнять договоры. Потому что Романтика и Честь – родные сестры. Долг – их родной брат» [16. С. 3]. Вдохновленный европейской историей и печатью времен Французской революции, автор выносит своеобразный приговор происходящему: по его мнению, «ни романтика, ни честь, но расчетливая логика холодного разума» [16. С. 3] стали атрибутами революции в России. Мысль о корыстных мотивах сторонников и участников революции сблизает Ирецкого со многими его современниками, в частности с В.Г. Короленко, который в своих заметках 1917–1919 гг. упоминает о том, как «темному народу приходилось еще разъяснять, что свобода грабежа – это не та свобода, которая нужна России» [17. С. 82]. И если Ирецкий ратует за идейную чистоту революции, то Короленко, как знаток народного быта, полагает, что «для плодотворного переворота необходимо присутствие обоих этих начал...» [18. С. 111], и в то же время отмечает, что «с одними чувствами себялюбия и корысти, побуждающими неумолимо захватить то, что имеет более счастливый сосед, – выходит только “грабизка”, а не революция...» [18. С. 111].

В связи с вышесказанным логично, что замечания Ирецкого вызвали резонанс: сам Горький откликнулся на его статьи. Ученые уже обращались к данной

«переписке», рассматривая ее как проявление идейных противоречий кадетской «Речи» и «Новой жизни»⁶. Думается, полемика Ирецкого и Горького достойна отдельного исследования, мы же в рамках данной статьи лишь обозначим аспекты диалога писателей, определяющие место текстов Ирецкого в печати о русской революции.

Горький говорит о корыстных мотивах участников революционного дела, например, он упоминает о стремлении солдат улучшить свое благосостояние посредством службы. В то же время известный писатель верит в русскую революцию, потому 6 мая 1917 г. со страниц «Новой жизни» возражает Ирецкому: «Недавно один романист восплакал о том, что в русской революции нет романтизма, что она не создала Теруань де Мерикур, не выдвинула героев, ярких людей. <...> Полемизируя, можно, разумеется, забыть о героях духа, о людях, которые великим и упорным подвигом всей жизни вывели, наконец, Россию из заколдованного царства бесправия и насилия.

Но я думаю, что романтизм, все-таки, не иссяк и романтики живы...» [22. С. 6].

В свою очередь Ирецкий откликнулся на статью Горького в «Новой жизни» от 9 (22) мая 1917 г. Ирония Ирецкого обращена на большевиков, буржуев и революционеров, разделивших бывших сторонников на тех, кто «на время» и на «вечных революционеров», и лично на Горького, по мнению публициста «Речи», поддерживающего суждения партии. Ирония создается антитезой «Калибан – нежный Пентеликонский мрамор», под которыми, с одной стороны, подразумевается буржуй, невежественный дикарь, далекий от возвышенного мира, с другой – большевики, которые занимали особняки, закрывали газеты, разрушали судебную систему, грабили. Автор завершает свой очерк образом революционной «необгонимой русской тройки», под которой «дымом дымитесь» дорога, «гремят мосты, все отстает и остается позади» [23. С. 1]. Обращаясь к «бойким ямщикам», Ирецкий говорит о том, что происходящее приносит душевную боль, и задается вопросом, представляют ли всадники дорогу, помнят ли «элементарную простую истину», что «за хлебами побежит всякий. Вот побежит ли за идеей?» [23. С. 1]. Используя аллюзии на известные образы русской и мировой литературы («Буря» В. Шекспира, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского), автор не только обращается к идейным противникам, используя образы культуры, знаковые для образованного человека, но и открывает ту сторону характера русской революции, которую В.Г. Короленко метко называл «грабжка».

Несмотря на антитетичность позиций Ирецкого и Горького, вызванных идейными воззрениями, очевидна близость их взглядов. Публицисты, принадлежащие к различным «литературным рядам» (в терминологии Ю.Н. Тынянова), посвящали свои работы одним и тем же проблемам: разрушению государственной и судебной власти, систем образования, культуры, норм морали, здоровых национальных традиций. Горький, указавший на ошибки интеллигенции, правительства, пролетариата, считал, что взрыв

«зоологических инстинктов», неготовность общества к переменам привели к «звериному праву» толпы на самосуд, разграбление «награбленного», в результате чего произошло обесценивание человеческой жизни. И революция, совершенная в интересах культуры, по мнению Горького, не имела ничего общего с ней.

Подобное восприятие переворота встречается и в публицистике Ирецкого. Оба видят в происходящем в 1917–1918 гг. катастрофу, Горький пишет в 18 апреля 1917 г. в «Новой жизни»: «Всюду, внутри и вне человека, опустошение, расшатаанность, хаос и следы какого-то длительного Мамаева побоища» [24. С. 10–11], говоря о небывалом творческом просторе, открытом революцией, отмечает, что его плодами в 1917–1918 гг. стали лишь декреты правительства и публицистика [22. С. 13]. Ирецкий же пишет о бесплодности русской революции в творческом плане: «Поэты пока незаметно откликнулись на революцию, и это одно из психологических доказательств отсутствия романтики в происходящем» [25. С. 7]. Писатель с горькой иронией отзывается о «художественной рефлексии» перемен, потрясших страну: «...для неукротимого тщеславия, прикрывающегося поэзией, для неразборчивой уличной крикливости, не нашедшей себе пристанища (автомобиля!) в выступлениях большевиков, – теперь самое подходящее время. Бумаги только мало – вот беда! Один, впрочем, раздобыл ее. И вынес поэзию на... забор, украсив плакат своей фамилией, аршинными буквами напечатанной: Антоний Сычев. <...> Расклеенные на стенах поэмы “дерзкого” поэта <...> безнадежно слабы. <...> Как бы то ни было, расклеенные стихи – новинка под нашим зодиаком. <...> Раньше вы сидели или лежали на диване, прочитывали сборник и затем писали. Теперь – извините! – придется в поисках поэзии совершать прогулки по всему городу, хотя зато это уже будут настоящие прогулки по садам российской словесности...» [25. С. 7].

Выплеснувшаяся на улицу демократическая культура вызывает у Ирецкого отторжение: «эта словесность, наша русская неумная словесность, ни к чему не обязывающая и бесплодно реющая над нашей печальной землей, не пуская вглубь никаких корней!» [26. С. 2]. Подобно Александру Блоку, призывавшему слушать «музыку революции», Ирецкий признавал необыкновенный масштаб стихии, отмечая, однако, лишь легковесность этого шума: «От моря до океана <...> однотонно звучит праздная, никчемная болтовня. Гуторит Русь. Без конца в ширину и без меры в длину протянулся этот поток шелудивых, нудных слов, освещаемых тусклым светом Бездарности» [26. С. 2]. В суждениях публициста проступает пафос, сближающий их с «Окаянными днями» И.А. Бунина, – критически настроенный Ирецкий выражает восприятие революции целой группы писателей-эмигрантов: «Ни одной яркой новой мысли. Ни одного выражения, из которого впоследствии можно было бы сделать... хотя бы нескупную цитату. Ни одного освежающего образа. Все плоско и ничтожно, и все отдает бездушной прокламацией... <...> Слова, слова...» [26. С. 2].

В статье от 14 июля 1917 г. Горький разочарованно описывает трусливый азарт солдат-революционе-

ров, которые стреляют под влиянием страха: «...они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья» [24. С. 11]. Ирецкий посвящает свой очерк описанию похожей ситуации, но предваряя его эпиграфом – обращением Дантона к молодому революционеру: «Пошумите немного, молодой человек, и вас начнут бояться» [27. С. 2], что высвечивает другое отношение к ситуации. «Юноши воинственного вида, со взором отважных викингов, с расстегнутыми воротами, прильнувшие к крыльям автомобиля, держа винтовки на прицел», по мнению Ирецкого, – «бутафорская» сторона «объединившегося анархо-большевизма», которая и пугает обывателя. Другая предстала перед рассказчиком на набережной реки Фонтанки: «...я видел, <...> в паническом ужасе бежали смелые викинги из Кронштадта, напуганные раздавшимися выстрелами на Невском <...>»:

– Казаки, казаки! – кричали перепуганные насмерть кронштадтцы и бросали оружие, чтобы легче было бежать.

Дети – обратите внимание: дети! – с беззаботным видом очень деловито собирали эти ружья и тащили их к себе, не обращая никакого внимания на стрельбу» [27. С. 2]. Широко известны подобные примеры и в публицистике Горького: вовлеченность детей в сцены неоправданной уличной жестокости пугает писателей-гуманистов.

Горький приводит примеры торжества звериного быта над здравым смыслом. Он пишет о возбуждении большевистскими лидерами низких инстинктов толпы, об уличных грабежах, упоминает о том, что «во время винных погромов людей пристреливают, как бешеных волков, постепенно приучая к спокойному истреблению ближнего» [24. С. 15]. Об этом же повествует Ирецкий, снова сопоставляя опыт французской и русской революций: «Хромоногий Кутов, яростный живо-глот, говорят, плакал над смертью канарейки. Марат – et nittres doux, как утверждал Верлен.

Их грех был только в том, что они трусливо боялись массы; они боялись говорить ей в лицо то, что думали, лестили ей, делали неумеренные обещания, а главное, опасались, что могут оказаться правее ее» [28. С. 2]. Приведя пример из истории европейских переворотов, Ирецкий проводит параллель с русской современностью: он раскрывает истинные мотивы суждений Н. Рожкова, провозгласившего диктатуру революционной демократии с опорой на террор. Ирецкий призывает политиков прислушаться к голосу рассудка: «Так возбуждают жажду у малых сих. Неутолимую жажду! Ужасную жажду, от которой тем сильнее жаждешь, чем больше пьешь. Потом поневоле, чтобы быть впереди, начинают жаждать боги, трусливые боги, у которых нет мужества остановить стремительно бегущих с горы людей. Тогда происходит то ужасное, непостижимое и забываемое, о чем писал Камиль Демулен в своем “Старом Кордильере”...» [28. С. 2]. Публицист, разделяющий представления о преемственности европейской и российской культур, постоянно включает в тексты образы из европейской истории и литературы – отсюда и упоминание французского журнала 1793 г., и отсылка к со-

временному произведению о революции XVIII в. – роману Анатоля Франса «Жажда богов».

Уличные грабежи и «эпикурейское равнодушие» к смерти Ирецкий описывает, словно разворачивая картины, изображенные в горьковской «Новой жизни», делая их ярче и живее. Осмысливая современную действительность в контексте вечной череды испытаний, выпадавших на долю человека, писатель связывает эмоциональную тупость современников с особым состоянием, которое сопровождает «неумолимые катастрофы в роде чумы, войны, террора и безнадежной осады» [29. С. 1]. Каждый «смотрит теперь на себя, как на очередную жертву предстоящего ограбления или бессмысленного убийства. Дело только в том, когда это случится, – скоро или нет» [29. С. 1].

Горький говорит об отсутствии судебной и законодательной реформ, о том, что люди безвинно попадают в тюрьму, как раньше, и Ирецкий будто доводит эту мысль до логического завершения. Он приходит к выводу о природе власти в России, которая определяется не намерением изменить существующий порядок вещей, но лишь стремлением «в сущности, только к тому, чтобы власть перешла» [30. С. 2] в руки бунтовщиков.

Определяя творческую самобытность публицистики Ирецкого, необходимо отметить, что он посвящает тексты той же тематике, к которой обращаются Короленко и Горький, более известные сегодня своими сочинениями о революции. По количеству примеров и выразительности материала его очерки и памфлеты нисколько не уступают произведениям Горького в газете «Новая жизнь». Более того, уровень абстрагирования, на который писатель второго ряда (не уступающий «генералам», по меткому определению Ю.Н. Тынянова, впервые упомянувшего о необходимости исследовать забытых и второстепенных авторов, питающих литературный процесс [31. С. 30]) поднимает описываемые бытовые ситуации, необыкновенно высок. Он позволяет рассматривать революцию как исторический перелом, высвечивающийся вневременным значением. В то же время у Ирецкого изначально иная, чем у Горького, публицистическая установка. Помещая заметки в рубрику «Из дневника», он выступал от первого лица, гораздо чаще описывал свои непосредственные впечатления, изображал разговоры и встречи, в которых участвовал. Причем мастерски создавал эффект присутствия: читатель зримо представлял сцену, чувствовал себя участником происходящего. Стремясь к документальности, правдоподобию описываемых фактов, Ирецкий пытался избежать сухого, объективированного, или чрезмерно отвлеченного, философского, повествования. Потому газетные тексты прозаика позволяют почувствовать вовлеченность в саму жизненную ситуацию. В очерках он занял позицию наблюдателя, человека, открыто выражающего ощущение конца эпохи, рожденного хаосом и жестокостью настоящего.

Если идеями и примерами революционной действительности публицистика Ирецкого была близка Горькому и Короленко, то от их деятельного оптимизма, основанного на желании дать народу образование (Горький) или помочь строительству социализ-

ма в отсталой России (Короленко), Ирецкий был далек. Скорее, публицист пытается вразумить своих оппонентов, обратить внимание общества на ошибки, которые допускаются политиками и частными лицами, дать оценку происходящему, а также как очевидец стремится выразить эмоциональное восприятие происходящего, зафиксировать приметы времени, их вечный контекст, ценностную составляющую. И в этом смысле произведения Ирецкого сближаются с дневниковыми материалами эмигрантов, опубликованными позже, – например, идейно и художественно – с «Окаянными днями» И.А. Бунина.

Очерки и памфлеты Ирецкого делает самобытными именно это исповедальное и одновременно художественное начало, отличающее их от сочинений Горького, Короленко, Андреева. В отличие от собственно дневниковой формы – изначально не предназначенной для публикации, выполняющей функцию регистратора событий внешней, бытовой, строго событийной, и глубоко интимной внутренней жизни автора, – очерки Ирецкого, иногда повторяющие структуру дневника, все же обладают продуманной композицией, содержанием и формой, стилизованными под дневниковые заметки. Яркая художественность и исповедальность публицистики Ирецкого сближаются с целыми страницами размышлений Бунина, выражая общее мироощущение будущих эмигрантов.

Абсурд происходящего Ирецкий сравнивает с пляской смерти, пиром во время чумы: «За один день я насчитал 14 афиш о предстоящих танцах. <...> Балы, балы! Одновременно с эпидемией тифа вспыхнула неукротимая эпидемия балов: “грандиозных”, “костюмированных”, “демократических»» [32. С. 2]. В этой оценке происходящего в 1918 г. Ирецкий будто бы поэтически осмысливает дневниковые наблюдения Бунина, которые увидят свет лишь в эмиграции. Москва в январе 1918 г. так же полна необъяснимого веселья: «Кончился этот проклятый год. <...> А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит...» [33. С. 16], «мягкая и пышная зелень деревьев, радостная, праздничная. На столбах огромные афиша: “В зале Пролеткульта грандиозный абитурбал. После спектакля призы: за маленькую ножку, за самые красивые глаза”» [33. С. 101]. Упоминания о «необъяснимом веселье» соседствуют рядом с размышлениями о болезненной гибельности революции. Лето 1917 г. Бунин вспоминает как «начало какой-то тяжелой болезни, когда уже чувствуешь, что болен, что голова горит, мысли путаются, окружающее приобретает какую-то жуткую сущность...» [33. С. 120].

Подобно дневниково-публицистическим текстам Ирецкого 1917–1918 гг. записи Бунина позволяют воссоздать и бытовой облик времени, и те смысловые ряды, в которые интеллигенция включала происходящее. Так, уличной культуре писатель дает меткое определение «заборная литература» [33. С. 92]. Размышляя о русской революции как о преемнице французской, Бунин видит в них сходство – жажду «игры, лицедейства, позы, балагана» [33. С. 43], подлость и

кровожадность их лидеров. Писатель в дневниковой форме высказывается об изменении культуры как деградации, посвящает гневные строки ее разрушению: «Какая гнусность! <...> у всех с утра до вечера только и разговору, как бы промыслить насчет еды. Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают!» [33. С. 112]. Бунин осмысляет русский бунт в контексте вечных истин – библейских сюжетов, философских изречений, фиксирует свои впечатления и идеи, не стремясь найти путь спасения России, – говорит о происходящем как о конце эпохи, точно его современник на страницах «Речи».

Из исповедальной, личностно-эмоциональной формы очерков проистекает и другая особенность повествовательной манеры Ирецкого: в каждом произведении писатель обращается к культурным традициям, насыщая свои тексты аллюзиями, реминисценциями, цитатами, яркими и хорошо известными читателю образами, художественными средствами, риторическими фигурами. Ирецкий стремился создать высокую публицистику в соответствии с европейским опытом революционной печати. Для него важно дать происходящему определение одновременно с точки зрения европейского идеала революции и русского национального характера, культурной традиции России. Оттого его очерки отличает интертекстуальность. Выходя на уровень абстрагирования, анализируя происходящее с точки зрения европейской истории и культуры, в том числе идеалов Великой французской революции, используя образы из произведений русской литературы («Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Вишневый сад» А.П. Чехова, «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и др.) и реминисценции на них, Ирецкий в своем желании остановить стремительный распад общества и расчеловечивание сближается не с авторами политических памфлетов, но с такими значительными фигурами русской публицистики, как М. Горький и В.Г. Короленко. Потому публицистическое наследие Ирецкого ценно в первую очередь как отражение взглядов писателя и журналиста, который участвовал в полемике по поводу революции, вдумчивого очевидца, оставившего на страницах прессы десятки любопытных зарисовок, горячих, но дальновидных суждений о судьбе России в XX в.

Тревога о сохранении «вишневых садов» культуры, исторической памяти, связи поколений наполнила очерки Ирецкого. Энтропийную силу, сумасшествие, жестокость «бойких ямщиков» России видел в послереволюционном хаосе Ирецкий. Его призывы, обращения, едкая ирония были следствием надежды на изменение ситуации, но у него не было веры в предсказуемое А.А. Блоком возрождающее начало: «России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и – поновому – великой» [34. С. 9], в то, что вечные истины «отнимаются только вместе с сердцем и головой» [34. С. 16]. Ирецкий же видел своими глазами, как разрушается то условное и бесценное, что создавалось веками.

Так, писатель предсказывает масштаб трагедии, которой может обернуться кризис книгоиздательства. Торжественное и скорбное настроение очерка создает публицистическое обращение к подвижникам русского общедоступного народного образования и печати: «Русский букварь умирает! Аз, буки, веде... Святитель русской грамоты Ушинский, представлял ли ты себе это? Первый русский печатник Иван Федоров! В муках, тревоге и бедности налаживавший где-то в сарае свой первый печатный станок, чтобы множить книжные словеса, кои реки суть, напояющие вселенную, – слышишь ли ты это? Постигаешь ли?» [35. С. 3].

Эпитеты, метафоры, создающие образы русских просветителей, и риторические вопросительные и восклицательные предложения придают материалу особую эмоциональную силу. Ирецкий связывает имена Ярослава Мудрого, Ивана Федорова и Константина Ушинского, подчеркивая преемственность просветительской и культурной традиции, которая разрушается в XX в. Публицист показывает свое уважительное отношение к труду сохранения сокровищницы русской культуры, называя автора первых массовых учебников «святителем русской грамоты», обозначая подвиг Федорова столкновением непростых бытовых обстоятельств создания станка («в муках, тревоге и бедности», «где-то в сарае») и утверждением высокого назначения его плодов – сохранения и демократизации письменного слова – цитатой из «Повести временных лет». Помещая в текст знаменитые слова, Ирецкий, безусловно, подразумевает контекст выражения, повествующий о преобразующей силе, необыкновенном значении книг [36. С. 102]. В русле этой метафоры Ирецкий не боится высоких риторических восклицаний и обращений («Русский букварь умирает!», «<...> слышишь ли ты это? Постигаешь ли?») и горестных размышлений («Аз, буки, веде...»), которые обрамляют краткое обращение к создателям грамоты, звучат эмоционально и убедительно.

Ирецкий продолжает тему разрушения культуры в очерке «Вишневые сады», где описывает распродажу частных библиотек. Используя широко известный литературный образ и метафору вишневого сада как воплощение памяти об утерянном прошлом, писатель делает их ассоциативным фоном современных зарисовок: «Бывшие сановники, офицеры, судьи, лишившись жалованья и пенсии, частями разносят свои книги по букинистам, и посетитель антикварной книжной лавки может теперь часто наблюдать *робкие, смущенные фигуры необычных продавцов. Это очень грустное зрелище, способное опечалить даже постороннего*» [37. С. 6] (курсив мой. – М.С.). Живой, будоражающий читателя образ продавцов выражает обеспокоенность Ирецкого потерей «кирпича культуры» русского общества: «Библиофильство – одна из самых культурных страстей, в большинстве случаев бескорыстная. Собирателей книг у нас не так уж и много, и при том пренебрежении к прочитанной книге и подчас варварском отношении к ней, какое проявляется даже в более интеллигентных кругах, коллекционеры безусловно являются у нас апостолами “книголюбства”» [37. С. 6]. Ирецкому жаль «гибнущие “вишневые сады” <...> бедной культуры, в которых так приятно

собирать “сладкий мед эрудиций”» [37. С. 6], он сетует на затруднения, возникающие во время поиска нужной книги из-за ограниченного количества российских «книжных собраний для общественного пользования» [37. С. 6]. Тем самым публицист создает материалы, в которых ставит вопрос о необходимости сохранения книгоиздательства, частных книжных собраний в современной ему России и о возможном упадке словесной культуры.

Не меньшую тревогу вызывает у Ирецкого и отношение к музейному фонду России, национальным ценностям, вечным истинам, проблеме связи отцов и детей. Однако предметом описания Ирецкого становится не только разрушение духовной и интеллектуальной жизни, но и материальное положение России вследствие революции и Брестского мира. Автор поднимает актуальные темы голода, потери земли, уничтожения сельскохозяйственных культур. Центральными в статье «Счет» становятся образы поля и жатвы. Публицист использует общекультурный мифологический образ поля брани как засеянных просторов, готовых для жатвы, и германо-скандинавский эпический образ доблестной смерти, дарующей воинам загробный пир: «Началась жатва, и вместе с хлебом Россия пожинает урожай большевистского посева. <...> Победно, ах, как *победно прозвучал рог Циммервальда в нашей долине скорби! Обильную жатву собрал враг и ныне пирует он, точно в кровавом раю древне-германских народов, поднимая черепа с пенным пивом. Увы! Это пиво из русского солода*» (курсив мой. – М.С.) [38. С. 2].

Продолжает тему потерь русской земли очерк о погубленной безответственностью спасительной идее «железного» дня, который мог бы уберечь Россию от голода: «Земледелец бьется как рыба об лед, извлекает из амбара заржавевшее старье, чинит, мастерит, куёт и плавит. Если бы толком рассказать, что переживает теперь земледельческое население в поисках сельскохозяйственного инвентаря, то вы, читатель, как бы ни были равнодушны к Микуле Селяниновичу, не только пожертвовали старый замок, <...> летние ножницы и два ненужных ключа, но еще тайком от вашей хозяйственной супруги сломали бы, скажем, железную кровать и присоединили бы ее к “железному фонду”» [39. С. 2]. Упомянув образ богатыря из былины новгородского цикла, Ирецкий привносит в тревожное обращение к читателю поэтическую ноту. Вместе с тем образ пахаря, олицетворяющий мощь русского народа-труженика, контрастен нынешнему бессильному положению крестьянства. Тем горше выглядит закрывающая статью сцена телефонного разговора, свидетелем которого автор случайно стал: желающие сдать металл не могут сделать это. В действительности сбором никто не занимается.

Своеобразие очерков Ирецкого о революции определяется авторской установкой на рефлексию одновременно бытового и бытийного уровней происходящего. С одной стороны, в стихии бунта прозаика интересует частное, вещное – ему важно показать, что видит, слышит, о чем думает, что чувствует в это время человек. Оттого Ирецкий активно использует в своих текстах живую ткань жизни, ссылаясь на соб-

ственные наблюдения, эмоциональные состояния. В отличие от более известных публицистических текстов, порою лишенных определенных примет дня, писатель в непосредственных зарисовках-откликах на происходящее запечатлевает процесс изменения России, зарождения новой эпохи.

В то же время внимание Ирецкого привлекают факты политической, общественной, культурной жизни России и Петрограда: публичные выступления, опубликованные документы, действия, поддерживающие идеологию большевизма. Примеры бытовых последствий послереволюционного разрушения и анархии – наблюдаемые самим автором конфликты, частные разговоры – становятся материалом для его размышлений. Внимательный наблюдатель, Ирецкий насыщает свои тексты колоритными деталями, используя в основном художественно-публицистические жанры – документально-беллетристические очерки, в том числе портретные и очерки нравов, а также памфлеты. Как журналист и писатель Ирецкий ценен своим вниманием к конкретному, бытовому материалу, погруженному в культурно-исторический контекст – этим и объясняется востребованность богатого фактурой материала, ярких зарисовок современными историками и юристами.

Вместе с тем автор избегает концентрации на политической стороне происходящего, часто свойственной писателям второго ряда, газетным фельетонистам. Обращаясь со страниц «Речи» и к своим читате-

лям, и к оппонентам, публицист заменяет политику в повествовании палитрой чувств, которые проживал русский интеллигент, чаявший свободы и возрождения, но очутившийся в хаосе темных, хтонических сил. Неслучайно часть текстов публиковалась в рубрике «Из дневника контрреволюционера» (1917) и «Из дневника» (1918): писатель придавал большинству из них форму ярко окрашенного эмоционального повествования от первого лица. И эта особенность позволяет публицистическим текстам Ирецкого 1917–1918 гг. выразить скрытые от общественности мысли Андреева, пафос не принявших революцию русских эмигрантов – например, Бунина. Дневниковая природа очерков Ирецкого показывает, что научно-публицистические статьи Горького и Короленко, безусловно, остро схватившие нерв и характер эпохи, в сравнении с текстами «Речи» кажутся менее эмоциональными, художественными, а описание революционной эпохи в них – более объективированным. Однако писатель показывает, как через происходящее в России проступает вечное, ведь фоном изображения быта и настроений конкретного дня становится плотный историко-культурный образный пласт. В эмиграции именно эти мысли и картины, появившиеся из-под пера Ирецкого-журналиста в революционном Петрограде, лягут в основу целого ряда художественных произведений писателя, в которых нашло отражение взвихренное революционное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.В. Сорокина, М.В. Умнова, К.А. Кумпан, Е.Р. Обатнина и другие авторы писали о сотрудничестве Ирецкого с «Литературными записками», «Вестником Европы», «Сатириконом», «Современный миром», «Речью», «Солнцем России», берлинскими газетами «Россия», «Звено», «Возрождение», «Дни», «Руть», «Наш век» и другими, рижской «Сегодня».

² Ученые уже констатировали факт работы в изданиях России, Европы, Америки, Китая в словарных статьях. См.: [1. С. 423–424; 2. С. 105–106]. Более полный список публикаций см. [3. С. 91–97].

³ Публицистика Ирецкого в изданиях «Летопись Дома Литераторов», «Вестник Литературы» уже была частично исследована, см.: [4. С. 52–58; 5. С. 143–155].

⁴ Краткая характеристика этого периода жизни и творчества уже дана в словарях, упомянутых ранее, и в ряде научных статей последних лет, см.: [3. С. 91–97; 6; 7. С. 339–386] и др.

⁵ В настоящей статье объектом исследования стали номера газеты «Речь» за март–ноябрь 1917 г. и вариантов того же издания под названиями «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век» 1918 г.

⁶ О полемике Горького и Ирецкого писал и автор комментариев к изданию «Несвоевременных мыслей», см. [19]. Кроме того, темы коснулись авторы двух научных работ, см.: [20, 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Поливанов К.М., Чанцев А.В. Виктор Яковлевич Ирецкий // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1992. Т. 2. С. 423–424.
2. Попов В.В. Ирецкий В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь. М., 2005. Т. 1. С. 105–106.
3. Семенова М.Г. О творческих связях В.А. Каверина и В.Я. Ирецкого // Вестник Псковского государственного университета. 2017. № 6. С. 91–97.
4. Семенова М.Г. Книжная «скорбная летопись» России: публицистика В.Я. Ирецкого в журнале «Вестник литературы» // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Вып. 10. С. 52–58.
5. Семенова М.Г. Публикации В.Я. Ирецкого в «Летописи Дома Литераторов» // Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики : сб. материалов IV Международного научного семинара / отв. ред. В.В. Фролов. Псков, 2020. С. 143–155.
6. Семенова М.Г. Забытый писатель Виктор Яковлевич Ирецкий: судьба и творчество // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2018. 1 электрон. опт. диск.
7. Нелитературная судьба писателя Виктора Ирецкого (1882–1936) / публ., вст. ст. и коммент. М.Ю. Сорокиной, Н.Ю. Масоликовой // Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin et al. : Peter Lang, 2019. S. 339–386.
8. Калифорнийский альманах. 1934. Сан-Франциско. Издание Литературно-художественного кружка города Сан-Франциско. Харбин, 1934. 173 с.
9. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Либеральные оценки Февральской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 33–43.
10. Андреев Л.Н. Памяти погибших за свободу: [листовка] / Леонид Андреев. [Б.м. : б. и., 1917, март, после 5]. [1] л. в 3 стб.; 51 х 36 см.
11. Ирецкий В.Я. Охранка. Страница русской истории // Речь. 1917. № 82 (3824). 9 (22) апреля. С. 3.
12. Радшиев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1981. 256 с.
13. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. Повести. Рассказы. М., 2015. 640 с.

14. Андреев Л.Н. Революция (О насилии) // Возвращенный мир. Антология русского зарубежья. М., 2004. Т. 1. С. 67–72.
15. Ирецкий В. Из дневника // Речь. 1918. № 14 (39). 20 января (2 февраля). С. 1.
16. Ирецкий В. Не то // Речь. 1917. № 100 (3842). 30 апреля (13 мая). С. 3.
17. Короленко В.Г. Постановления крестьянских сходов перед первой Думой // Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. 224 с.
18. Короленко В.Г. Несколько мыслей о революции // Земли! Земли! Мысли, воспоминания, картины. М., 1991. 224 с.
19. Горький М. Несвоевременные мысли. Статьи 1917–1918 гг. / сост., введение и примеч. Г. Ермолаева. Париж, 1971. 304 с.
20. Коростелев С. Г. Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 270 с.
21. Глушковский П. Полемика Максима Горького с кадетами и большевиками на страницах газеты «Новая жизнь» // Actaneophilologica. 2019. XXI (1).
22. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918. 115 с.
23. Ирецкий В. Душа болит // Речь. 1917. № 109 (3851). 11 (24) мая. С. 1.
24. Горький М. Революция и культура: Ст. за 1917 г. Берлин, 1918. 88 с.
25. Ирецкий В. «Висячая» поэзия // Речь. 1917. № 128 (3870). 3 (16) июня. С. 7.
26. Ирецкий В. Словесная одурь // Речь. 1917. № 216 (3958). 14 (27) сентября. С. 2.
27. Ирецкий В. Психоз // Речь. 1917. № 156 (3898). 6 (19) июля. С. 2.
28. Ирецкий В. Боги жаждут // Речь. 1917. № 201 (3943). 27 августа (9 сентября). С. 2.
29. Ирецкий В. На большой дороге // Наш век. 1918. № 10 (35). 16 (29) января. С. 1.
30. Ирецкий В. Дух власти // Речь. 1917. № 210 (3952). 7 (20) сентября. С. 2.
31. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929. 596 с.
32. Ирецкий В. Я. Здесь танцуют // Наш век. 1918. № 33 (57). 24 (11) февраля. С. 2.
33. Бунин И.А. Окаянные дни. М. : Современник, 1991. 255 с.
34. Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6: Проза. 1918–1921. М.; Л., 1962. С. 9–20.
35. Ирецкий В. Книга (вместо некролога) // Речь. 1917. № 127 (3869). 2 (15) июня. С. 3.
36. Повесть временных лет. Часть первая. Текст и перевод. М.; Л., 1950. 404 с.
37. Ирецкий В. Вишневые сады // Наш век. № 50 (74). 1918. 17 (4) марта. С. 6.
38. Ирецкий В. Счет // Речь. 1917. № 180 (3922). 3 (16) августа. С. 2.
39. Ирецкий В. Бестолочь // Речь. 1917. № 168 (3910). 20 июля (2 августа). С. 2.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 июля 2021 г.

Essays by Viktor Ya. Iretsky in the Context of the Journalism of 1917 and 1918

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 53–61.

DOI: 10.17223/15617793/468/6

Maria G. Semyonova, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: m.g.sem@rambler.ru

Keywords: L.N. Andreev; A.A. Blok; I.A. Bunin; M. Gorky; diaries; essay; journalism of post-revolutionary period; *Rech'* newspaper; V.Ya. Iretsky; V.G. Korolenko.

This article aims to initiate a study of an extremely interesting body of texts by Viktor Ya. Iretsky that were published in the major metropolitan newspaper *Rech'* [Speech] and caused a resonance in 1917–1918. The study of the originality of the half-forgotten prose writer's revolutionary journalism in the context of the ideological searches of the author's famous contemporaries – M. Gorky, V.G. Korolenko, L.N. Andreev, A.A. Blok, I.A. Bunin – seems relevant. Based on newspaper, magazine, and book collections of the National Library of Russia, the Library of the Russian Academy of Sciences, and the House of Russia Abroad, the article analyzes the essays published in *Rech'* from March 1917 to August 1918 using historical-literary and intertextual research methods. In the course of the research, the author selected the most revealing essays that are comparable to well-known journalistic works about the revolution, analyzed their artistic originality, evolution, and similarity to the journalism of 1917–1918. Iretsky's texts are thematically and ideologically similar to Andreev's articles and diary entries, Korolenko's writings, and – particularly – Gorky's cycle published in *Novaya Zhizn'* [New Life]; however, these texts describe the facts, moods, and the revolutionary atmosphere from the point of view of an observer who opposes the revolution and, since May 1917, sees it only as destructive force. The author concludes that Iretsky's essays, reflecting the metamorphoses of the intelligentsia's perception of the revolution, problems close to Gorky's and Korolenko's notes, are more similar to emigrants' diaries, especially Bunin's *Cursed Days*, in their confessional nature, anti-Bolshevik pathos and artistry. The specificity of Iretsky's texts is explained by the attention to specific everyday material immersed in the cultural and historical context. The value of the essays is determined by its orientation to everyday life, inclusion of the living tissue of life in the texts; by its confessional nature, which back in 1917 and 1918 revealed a critical emigrant attitude – then expressed in diaries only – to the course of the revolutionary transformation of Russia; and by the inclusion of expressive historical and cultural figurative elements. Abstracting, analyzing the situation from the point of view of European history and culture (including the ideals of the French revolution), using images of works of Russian literature (*Dead Souls* by Gogol, *The Cherry Orchard* by Chekhov, *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky, etc.) and reminiscences on them, Iretsky does not approach authors of political pamphlets, but rather such important figures of Russian journalism as Maxim Gorky and Vladimir Korolenko, and the diary prose of the brightest Russian writers.

REFERENCES

1. Polivanov, K.M. & Chantsev, A.V. (1992) Viktor Yakovlevich Iretskiy. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 423–424.
2. Popov, V.V. (2005) Iretskiy V. In: Skatov, N.N. (ed.) *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Slovar'* [Russian literature of the twentieth century. Prose writers, poets, playwrights. Dictionary]. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS Invest. pp. 105–106.
3. Semenova, M.G. (2017) O tvorcheskikh svyazyakh V.A. Kaverina i V.Ya. Iretskogo [About V.A. Kaverin and V. Ya. Iretsky's creative relations]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6. pp. 91–97.
4. Semenova, M.G. (2019) Knizhnaya “skorbnaya letopis” Rossii: publitsistika V.Ya. Iretskogo v zhurnale “Vestnik literatury” [The book “sorrowful chronicle” of Russia: journalism of V.Ya. Iretsky in the Vestnik literary journal]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye nauki”*. 10. pp. 52–58.

5. Semenova, M.G. (2020) [Publications of V.Ya. Iretsky in the “Chronicle of the House of Writers”]. *Aktual'nye problemy issledovaniya kommunikatsionnykh aspektov PR-deyatelnosti i zhurnalistiki* [Topical issues of the study of communication aspects of PR-activity and journalism]. International Seminar Proceedings. Pskov: Pskov State University. pp. 143–155. (In Russian).
6. Semenova, M.G. (2018) [Forgotten writer Viktor Yakovlevich Iretsky: fate and oeuvre]. *Lomonosov-2018*. International Forum Proceedings. Moscow: MAKS Press. (In Russian).
7. Sorokina, M.Yu. & Masolikova, N.Yu. (2019) Neliteraturnaya sud'ba pisatelya Viktora Iretskogo (1882–1936) [The non-literary fate of the writer Viktor Iretsky (1882–1936)]. In: *Skreshcheniya sudeb. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* [Crossed destinies. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov]. Berlin et al.: Peter Lang. pp. 339–386.
8. Lavrova, N.N. et al. (eds) (1934) *Kaliforniyskiy al'manakh. 1934. San-Frantsisko* [California Almanac. 1934. San Francisco]. Kharbin: Tipografiya N.E.Chinareva.
9. Shelokhaev, V.V. & Solov'ev, K.A. (2107) Liberal'nye otsenki Fevral'skoy revolyutsii 1917 goda [Liberal assessments of the February revolution of 1917]. *Noveysshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 33–43.
10. Andreev, L.N. (1917) *Pamyati pogibshikh za svobodu: [listovka]* [In memory of those killed for freedom: [leaflet]]. S.l.: [s.n.].
11. Iretskiy, V.Ya. (1917) Okhranka. Stranitsa russkoy istorii [Okhrana/Department for Protecting the Public Security and Order. A page of Russian history]. *Rech'*. 82 (3824). 9 (22) April. p. 3.
12. Radishchev, A.N. (1981) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [Journey from St. Petersburg to Moscow]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
13. Andreev, L.N. (2015) *Iuda Iskariot. Povesti. Rasskazy* [Judas Iscariot. Stories]. Moscow: Eksmo.
14. Andreev, L.N. (2004) *Revolyutsiya (O nasilii)* [Revolution (On Violence)]. In: Mikhaylov, O.N. et al. (eds) *Vozvrashchenny mir. Antologiya russkogo zarubezh'ya* [The Returned World. Anthology of the Russian Diaspora]. Vol. 1. Moscow: Izd. dom “Russkiy mir”. pp. 67–72.
15. Iretskiy, V. (1918) Iz dnevnika [From the diary]. *Rech'*. 14 (39). 20 January (2 February). p. 1.
16. Iretskiy, V. (1917) Ne to [Not that]. *Rech'*. 100 (3842). 30 April (13 May). pp. 3.
17. Korolenko, V.G. (1991) *Zemli! Zemli! Mysli, vospominaniya, kartiny* [Lands! Lands! Thoughts, memories, pictures]. Section 13. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
18. Korolenko, V.G. (1991) *Zemli! Zemli! Mysli, vospominaniya, kartiny* [Lands! Lands! Thoughts, memories, pictures]. Section 17. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
19. Gor'kiy, M. (1971) *Nesvoevremennye mysli. Stat'i 1917–1918 gg.* [Untimely thoughts. Articles of 1917–1918]. Paris: Editions de la Seine.
20. Korostelev, S.G. (2015) *Zhurnal “Letopis” (1915–1917) i gazeta “Novaya zhizn” (1917–1918) v istoriko-kul'turnom kontekste* [The journal “Letopis” (1915–1917) and the newspaper “Novaya zhizn” (1917–1918) in the historical and cultural context]. Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Glushkovskiy, P. (2019) Polemika Maksima Gor'kogo s kadetami i bol'shevikami na stranitsakh gazety “Novaya zhizn” [Maxim Gorky's polemic with the cadets and the Bolsheviks on the pages of the newspaper “Novaya zhizn”]. *Acta Neophilologica*. XXI (1).
22. Gor'kiy, M. (1918) *Nesvoevremennye mysli. Zametki o revolyutsii i kul'ture* [Untimely thoughts. Notes on revolution and culture]. Petrograd: Kul'tura i svoboda.
23. Iretskiy, V. (1917) Dusha bolit [My soul is in pain]. *Rech'*. 109 (3851). 11 (24) maya. pp. 1.
24. Gor'kiy, M. (1918) *Revolyutsiya i kul'tura: St. za 1917 g.* [Revolution and culture: Articles for 1917]. Berlin: T-vo I. P. Ladyzhnikova.
25. Iretskiy, V. (1917) “Visyachaya” poeziya [“Hanging” poetry]. *Rech'*. 128 (3870). 3 (16) June. p. 7.
26. Iretskiy, V. (1917) Slovesnaya odor' [Verbal stupor]. *Rech'*. 216 (3958). 14 (27) September. pp. 2.
27. Iretskiy, V. (1917) Psikhoz [Psychosis]. *Rech'*. 156 (3898). 6 (19) July. p. 2.
28. Iretskiy, V. (1917) Bogi zhazhdut [Gods crave]. *Rech'*. 201 (3943). 27 August (9 September). p. 2.
29. Iretskiy, V. (1918) Na bol'shoy doroge [On the big road]. *Nash vek*. 10 (35). 16 (29) January. pp. 1.
30. Iretskiy, V. (1917) Dukh vlasti [Spirit of power]. *Rech'*. 210 (3952). 7 (20) September. pp. 2.
31. Tynyanov, Yu.N. (1929) *Arkhaisty i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad: Priboy.
32. Iretskiy, V.Ya. (1918) Zdes' tantsuyut [They dance here]. *Nash vek*. 33 (57). 24 (11) February. p. 2.
33. Bunin, I.A. (1991) *Okayannye dni* [Cursed Days]. Moscow: Sovremennik.
34. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected works in eight volumes]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosizdat khudozhestvennoy literatury. pp. 9–20.
35. Iretskiy, V. (1917) *Kniga (vmesto nekrologa)* [Book (instead of an obituary)]. *Rech'*. 127 (3869). 2 (15) June. p. 3.
36. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1950) *Povest' vremennykh let. Chast' pervaya. Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part One. Text and translation]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
37. Iretskiy, V. (1918) Vishnevye sady [Cherry orchards]. *Nash vek*. 50 (74). 17 (4) March. pp. 6.
38. Iretskiy, V. (1917) Schet [Account]. *Rech'*. 180 (3922). 3 (16) August. p. 2.
39. Iretskiy, V. (1917) Bestoloch' [Stupid]. *Rech'*. 168 (3910). 20 July (2 August). p. 2.

Received: 05 July 2021